

Даля Трускиновская

Труп-невидимка

Саркастические детективы

Даля Трускиновская

Труп-невидимка

«Автор»

2003

Трускиновская Д. М.

Труп-невидимка / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
2003 — (Саркастические детективы)

© Трускиновская Д. М., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Далия Трускиновская

Труп-невидимка

иронический детектив

Глава первая

Я почувствовала опасность, но не успела поднять голову. Что-то страшное, тяжелое слетело с темнеющих небес, плюхнулось передо мной, и я увидела глядящие на меня снизу вверх огромные горящие глаза, увидела оскаленную пасть, толстые белые клыки, и уже каким-то краем подсознания уловила, что это чудовище покрыто крупной зеленой чешуей, толстой и совершенно непробиваемой. Оно должно было зарычать, или завизжать, или поразить меня инфразвуком, но оно лишь плотоядно смотрело, и тут длинный лиловый язык, свисающий из пасти, качнулся и обвел ее края точным злобным движением...

Не в силах разогнуться, я откачнулась от чудовища и села на мокрый асфальт.

С самого раннего детства мне снится один и тот же кошмар. Стою на длинной, тесно застроенной домами улице. Мимо, торопясь, пробегают прохожие. И никто, решительно никто, на меня не смотрит! Вдруг один оборачивается – и я с ужасом вижу, что у него вместо лица – клыкастая морда, вместо бороды – мелкая и колючая чешуя стального цвета. В страхе я принимаюсь хватать других людей за руки, незнакомцы покорно тормозят, проезжая по асфальту длинными и не способными втягиваться когтями задних лап, и они все – как близнецы, с широкими лягушачьими ртами, острыми клыками и чешуйчатыми бородами. Бритых, кажется, не было ни одного.

Проснувшись, я первым делом хваталась за бумагу и карандаш. То есть, в раннем детстве это был цветной карандаш, потом появилась авторучка, потом с годами прибавились фломастеры, а вот теперь на случай кошмара рядом со мной всегда лежит раскрытый ноутбук. И тогда я принималась отчаянно рисовать, теперь же – писать, писать, писать, и всякий раз я, проснувшись в холодном поту, пишу, пишу, пишу, пока не успокоюсь. Иногда получается довольно много.

Я уже давно собираюсь сходить к психотерапевту и попытаться узнать, какие монстры в моей душе вызывают сей кошмар. Останавливает только воспоминание про одну мою подругу, которая отвела сына лечиться от энуреза. Дольше с этим тянуть было нельзя – парень уже всюду страдал от несчастной любви, огрызался, отказывался от совместных с родителями выходов в кукольный театр и в зоопарк. Я всегда считала, что в зоопарк детей следует водить за ручку, пока они еще школьного возраста, а студент четвертого курса вполне может с этим справиться сам. Подруга нашла через знакомых именитого психоаналитика – звали его, кажется, Михаил Раймондюкас. Психоаналитик занимался с ребенком целый год, получил кучу денег и достиг, надо сказать, положительного эффекта. Петька продолжает мочиться в кровать по ночам, но теперь он этого не стесняется. Раймондюкас объяснил ему, что этой привычкой следует гордиться.

По счастью, ужасающий сон навещает меня всего два раза в месяц, Но я никогда не могла предположить, что увижу наяву страшное чудовище с горящими глазами и торчащей чешуей. А как хорошо начинался день!

У моего свекра, Альфонса Альфонсовича, постоянно занятого просмотром всяких загадочных видеокассет человека, образовалось свободное время, и он согласился, чтобы я наконец отвезла его к окулисту – поменять очки. В последнее время я подозревала, что свои кассеты он смотрит исключительно наощупь. И даже забывает иногда включить видак. Причем

свекор милостиво сел не в свой джип, а влез в мой «Вольво», с непривычки треснувшись лбом о косяк, после чего всю дорогу терпеливо молчал, ни разу не покритиковав мою манеру вести автомобиль.

И вообще он сегодня с утра вел себя крайне приветливо – спустившись в лифте и перепутав дверь столовой с дверью холла, он не разразился во дворе комментариями и не швырял в окно шлепанцем, чтобы его впустили, а кротко отирался на крыльце, пока мы не заметили его отсутствия. А ведь погода была прескверная – тот период, когда для осени уже слишком холодно, а для зимы еще слишком слякотно.

За столом, когда моя младшая свекровь Нинель Аристарховна, от третьего мужа Валерия Куропаткина, у которой периоды бесчеловечной диеты перемежались периодами щенячьего обжорства, слопала за завтраком шесть пирожков, половину кулебяки с бараниной, тарелку обязательной овсянки, йогурт, запила это кружкой портера и уехала к себе на четвертый этаж с коробкой мороженого в руках, добрый свекор не стал язвить, как всегда, поминая все грузоподъемность нашего пассажирского лифта, а только вздохнул. Когда мы убедились, что на сей раз лифт все же сработал и кабинка не застряла, он весьма ласково спросил:

– Яшенька, может, мы переведем Нинелечку в другое крыло особняка? Тогда ей будет удобнее пользоваться грузовым лифтом.

Яшей меня зовут не потому, что в младенчестве родители по странной ошибке окрестили меня Яковом. Просто мать во время беременности захлеб читала детективы пани Иоанны Хмелевской. Естественно, она уговорила папу назвать меня Иоанной. Имя, возможно, стало роковым – до сих пор надо мной витает тень прославленной польской пани. А когда его стали сокращать применительно к розовощекой крошке, которую просто нелепо звать Иоанной, то и образовалась Яша.

Вообще свекор, когда с ним не случается склероза, бывает даже остроумен. Но каждый раз, когда он изрекает что-то этакое, приходится ломать голову: остроумие или все-таки склероз?

Сегодня за завтраком, когда моя старшая свекровь Авдотья Гавриловна соблаговолила наконец спуститься к общему столу и вынесла на всеобщее обозрение потрясающий вечерний макияж, Альфонс Альфонсович запахнул халат, изображая неумеренную стыдливость, поднялся над стулом и очень светски произнес:

– Доброе утро, сударыня, разрешите представиться – Альфонс Альфонсович Сидоров!

Все мы оторвались от тарелок и уставились на старца, нависшего над столом в таком поклоне, что сделалось страшно за посуду.

– Папа, вы что? – зашипела я. – Это же вошла Авдотья Гавриловна!

Свекор выпрямился и стал ошарашенно озираться.

– Где Авдотья Гавриловна?!

– Да вот же! – тут мы все стали тыкать пальцами в старшую свекровь, застывшую на пороге, как мраморное изваяние на аристократическом кладбище.

– Кто? Это? – свекор помотал головой. – Ну, вы даете! Я вообще не понимаю, как эта особа сюда попала! Авдотья Гавриловна – солидная женщина, я ее прекрасно знаю, а это... Погодите, уважаемая, все-таки я вас где-то встречал... А! Вспомнил! Проезжал вчера мимо трех вокзалов, а вы там стояли на углу, выставив коленку, и нервно курили!

Мне стало страшно – Альфонс Альфонсович действительно брал недавно свой джип и куда-то ездил. Но не вчера! При мысли, что мой престарелый свекор околачивался на дорожной машине в районе трех вокзалов и таранился на продажных девиц, мне сделалось дурно. И еще дурнее – при другой мысли: что Авдотья Гавриловна с таким макияжем действительно могла отправиться вечером на поиски приключений... Это в ее-то восемьдесят четыре!..

Но старшая свекровь, очевидно, не поняла пошлого намека и гордо проследовала на свое место. А мне осталось ломать голову, так юмор или все-таки склероз?

Завтрак закончился самым мирным образом. Потом я немного поработала – в издательстве ждали очередной том моих детективных приключений, и оставалось только дописать последние полтора страницы. Работа пошла успешнее, чем я планировала, – на них ушло не четыре с половиной часа, а всего около трех. Потом мы с зоотехником Гошей занимались нашими животными – у него возникло законное подозрение, что Марик и Бобик отнюдь не однополы, а один из них все же девочка. Но кто именно – понять было сложно. Мы смотрели, как эта парочка увивается друг вокруг дружки, и молча чесали в затылках. Однополые так себя не ведут, это уж точно...

Но животные были бодры, здоровы, общительны, и мы отложили экспертизу до другого раза.

И вот, пожалуйста! Ну почему мне так отчаянно захотелось курить?! Ну, почему я решила взять десять блоков своих любимых сигарет «Голуаз» именно в этом киоске? Почему я припарковала свой «Вольво» именно здесь?

Сидя у заднего колеса и трясясь крупной дрожью, все-таки вокруг меня и подо мной было очень сыро, я таращилась на открытый багажник, куда только что выронила десять блоков «Голуаз». Головы чудовища я не видела, но оно было там, внутри, в багажнике! Оно затаилось, готовое напасть на меня, как только я покажусь в его поле зрения!

Свекор, не дождавшись меня, высунулся из машины.

– Люсенька, ты куда пропала?

Люсенькой зовут нашу гувернантку, которую я приставила к свекровям и к свекру. Кажется, именно ее он чаще всего путает с видеокассетой, когда ему приспичит посмотреть что-нибудь наощупь. Я успела подумать, что на сей раз, кажется, свекор демонстрирует не юмор, а склероз, и тут над краем багажника блеснули адским пламенем глаза чудовища. И раздался негромкий рев.

Это было уже слишком.

Последнее, что я помню, – это слова на неизвестном языке, пробившиеся сквозь рев. А потом были тишина и темнота.

Когда я очнулась, затылок ощутимо болел. Я потрогала голову, волосы были мокрые. Ну конечно, я не просто приложила затылком об асфальт, но еще и угодила в лужу. Надо мной склонились незнакомые люди, среди озабоченных лиц я узнала костлявую физиономию Альфонса Альфонсовича.

– Эй, Мусенька, – донеслось до слуха. – Ты как? Жива?

Мусенька – это наша старшая горничная. Когда имеешь шестиэтажный особняк, да не где-нибудь, а в Вилкине, поневоле заведешь целый штат обслуги. Надо думать, и на сей раз был склероз, а вовсе не юмор.

Я села и прошептала:

– Можно кофейку?

– Сейчас, сейчас, – послышался тоненький голосок, и к моему рту приблизился стакан с тепловатой водой.

– Где я?

– Не знаю, – ответил свекор.

– Как?

– Так. Разве ты докладываешь, куда едешь? И когда ты за рулем, лучше ехать, закрыв глаза! Потому что...

И он разразился неожиданно гневной речью, припомнив все мои огрехи с того самого дня, когда я, окончив автолюбительские курсы, заплатила за права около трех тысяч долларов и впервые самостоятельно села за руль собственной машины.

Поняв, что от тепловатой водички мне сейчас станет дурно, я оттолкнула стакан. И тут же ощутила неловкость – маленькая дохленькая бабулька во фланелевом халате, наверно, нарочно

домой за стаканом бегала, чтобы меня воскресить. Я с трудом нашла карман норкового полушубка, вынула кошелек и сунула бабушке стодолларовую банкноту. Наверно, можно было дать и меньше, но, как на грех, ни одной бумажки в пятьдесят долларов там не оказалось, а мелочи я не держу из принципа.

Затем мои глаза оглядели окрестности и осталовились на открытом багажнике. Никто от него не шарахался, никто не вопил от ужаса, и трудно было предположить, что эти люди не обратили внимания на страшное чудовище с чешуей.

Или оно обладает гипнотическими способностями?!

– Какой ужас! – воскликнула я. – Бегите, спасайтесь!

– От кого спасаться, Люсенька? – поинтересовался свекор.

Я ткнула пальцем в багажник.

– Да вы пейте водичку-то! – проскрипела бабулька. – Успокойтесь, а потом посмотрите, что там у вас в багажнике! Вот ведь сволочь! Так человека напугать! Виданное ли дело?! Правду говорят, что она совсем сумасшедшая! Жаль мужика, возится с ней, как с куриным яйцом!

Я не поняла, что означает это сравнение. По-моему, единственная возможность для мужика хоть сколько-то повозиться с куриным яйцом – это пожарить себе яичницу.

– На днях прохожу я мимо, в магазин иду за солью, а у них как раз дверь отворяется, а она – на пороге, в халате, босиком, глазищи бешеные, а он ее обратно внутрь запикивает, а она как запоеет, как запоеет!

– Что запоеет? – тупо спросила я.

– А это! «Я сошла с ума-а-а-а!!!» – бабулька очень похоже передразнила известную лесбийскую парочку «ТАТУ».

– А потом? – с неожиданным интересом спросил свекор.

– Потом он ее туда обратно запихал. А я скорее вниз, за солью!

– Кто запихал? – поинтересовалась я.

– Да кто ж его знает, кто он ей! – вмешалась еще одна женщина, та, что поддерживала мои плечи. – Брат, сват! Родня какая-то!

– И не родня вовсе! Он ее при мне по имени-отчеству звал! – перебила третья.

– По имени-отчеству, а в квартире бомжатник! Я заглянула – и ой, мама дорогая! Ни коврика на полу! Халат на старухе сто лет не стирали!

– А с чего ковры, когда он на «копейке» ездит, штаны с пузырями, кроссовки – как с помойки!

Они загалдели, а я опомнилась настолько, чтобы, упершись рукой в асфальт, заглянуть в багажник.

Чудовище подмигнуло мне, и я опять заорала.

Тут у кого-то хватило ума закрыть мне рот, а бабулька за лапу вытащила чудовище и плюхнула его передо мной в лужу.

Это оказалась огромная игрушка – дракон почти в натуральную величину, с гребнем по спине и прочими достоинствами. А глаза мигали и сверкали потому, что отражали свет ближайшего фонаря. И язык свешивался опять же потому, что был пришит к морде именно таким образом. И пищалка-ревелка, вмонтированная ему в брюхо, исправно действовала...

Понемногу выяснилось: в доме, возле которого я опрометчиво припарковалась, чтобы купить свои любимые сигареты «Голуаз», на седьмом этаже некий мужчина недавно приобрел двухкомнатную квартиру и вселил туда сумасшедшую старуху. Вместо со старухой он привез целый грузовик дорогих игрушек – дракон, который так меня перепугал, был еще не самой крупной зверюгой, соседи видели, как грузчики, чертыхаясь, пихали снизу вверх настоящего мохнатого мамонта с хоботом. Уж кем он этой старухе приходился, сыном, внуком, зятем или двоюродным племянником, никто из соседей не понял. То есть, не мамонт, а мужчина.

Этот новоявленный хозяин квартиры сам там не ночевал, а только раз в два дня привозил на «копейке» продовольствие, ежедневно же приходила смотреть за безумной бабкой какая-то молодая женщина, и тогда из квартиры доносились отчаянные вопли. Соседи предположили, что женщина – всего-навсего медсестра и делает старухе уколы, после чего наступает тишина. Больше они ничего пронюхать не успели. Вот разве что слышали, как мужчина однажды назвал бабку то ли Марианной Васильевной, то ли еще как-то, но непременно с отчеством.

На окне спальни и гостиной он установил решетки, но кухонное окно почему-то осталось неохваченным. И старуха повадилась, когда ей удавалось удрать из спальни, выкидывать оттуда посуду. Поскольку оно было не настолько велико, чтобы она протиснулась наружу, то мужчина, очевидно, и медлил с установкой решетки. Но на сей раз в окно полетела игрушка – надо полагать, нелюбимая. А может, самая любимая – старуха решила выпустить животное на свободу. И надо же тому стучиться, чтобы проклятый дракончик рухнул прямо мне в багажник!

Разобравшись и немного придя в себя, я поблагодарила женщин, села в машину, рядом устроился свекор, и мы поехали туда, куда собирались, – к окулисту.

– На него можно подать в суд, – неожиданно сообщил свекор, когда я притормозила у дверей клиники.

– На кого?

– На мужчину, Яшенька.

– Какого мужчину?

– Хозяина квартиры.

Свекор принялся вычислять моральный ущерб, который я понесла в результате падения дракона.

– Перестаньте, Альфонс Альфонсович, – я даже поморщилась. – Мы не знаем, кто он, как его зовут, что у старухи за диагноз. И у нас нет никаких доказательств морального ущерба.

– У нас есть свидетели, – упрямо сказал он.

Во рту у меня сделалось нехорошо – я вспомнила тепленькую водичку из-под крана. Следовало бы поскорее вернуться к злополучному дому и купить для бабульки десять, а лучше двадцать больших бутылей с фирменной питьевой водой, а также холодильник, где бы можно было ее охладить. Обычно я именно так и делаю. Когда я распутываю очередную уголовную историю и мне попадается свидетельница – приличная бабушка с безупречной репутацией, я сразу еду в ближайший супермаркет и покупаю ей продовольствия тысячи этак на полторы долларов. Добродетель должна вознаграждаться сразу и практическим образом. Деньги же бабушкам в руки давать, как мне кажется, опасно. У них у всех есть дети и внуки, которые спят и видят, как бы сама знаменитая любительница частного сыска Яша Квасильева приехала, задала два-три вопроса и оставила на буфете две-три сотенно-долларовые бумажки.

– Ну и что скажут эти свидетели? Что я испугалась большой плюшевой игрушки?

– Ты разбила затылок, Люсенька, – ласково сообщил он.

Я только рукой махнула.

– Мало ли где я могла его разбить?

Свекор посмотрел на меня с обидой и даже несколько презрительно.

– Я сам доведу это дело до конца, – сказал он. – У меня есть доказательство, что ты пострадавшее лицо. Я этого так не оставлю!

– Хорошо, хорошо, не оставляйте, но только сейчас нас уже ждет окулист, – ответила я. И действительно – он нас ждал.

Я взяла свекра за руку и повела его в кабинет. Свекор сопротивлялся – он не любил, когда его учили жить. А окулист со своей таблицей вызывал у него комплекс неполноценности. Но и жить дальше со старыми очками Альфонс Альфонсович тоже больше не мог. То, что он путает меня с молоденькой и стройной Люсенькой, можно при желании счесть за подсознательный комплимент. То, что зовет Мусенькой, тоже еще простительно – Мусеньке еще нет тридцати, и

она хороша собой. Но ведь настанет день, когда он обратится ко мне «Нинель Аристарховна»! И это будет последним днем наших хороших отношений – младшая моя свекровь весит около полутора центнеров и обожает огромные парики с начесом.

Так что новые очки я ему закажу, невзирая ни на какое сопротивление. Не хочу, чтобы наш уютный домашний мирок сотрясался еще и от этого скандала.

Глава вторая

Я размеренно кивала головой, изредка поглядывая на часы. Впрочем спешить мне, Иоанне Квасильевой, некуда. Честно говоря, я провожу дни в праздности, ожидая, пока мне под ноги подвернется очередной труп или рыдающий голос в телефонной трубке призовет меня искать и разоблачать банду убийц. Быть любительницей частного сыска – большая морока, и в промежутках между опасными делами праздность мне просто необходимо.

Только не подумайте, что так было всегда.

Долгие годы, устраивая свою личную жизнь и меняя мужей, я вдобавок преподавала русскую словесность и носилась задрыв хвост по частным ученикам. Уходила из дому в восемь, возвращалась в десять, шатаюсь от усталости. Все-таки поиски мужа – очень утомительное занятие. А они, мужья, расставаясь со мной, оставляли мне на память своих близких – как залог того, что они, мужья, когда-нибудь вернуться. Так ко мне попали старшая свекровь Авдотья Гавриловна, младшая свекровь Нинель Аристарховна и свекор Альфонс Альфонсович, причем если насчет свекровей я знала точно, чье это наследство, то со свекром возникали сложности – иногда мне казалось, что он и есть настоящий отец всех моих мужей, такие подробности сообщал о них старик...

Свекрови молодились, тратили свои пенсии на яркие наряды и макияж, мечтали в последний раз выйти замуж, свекор тоже не унимался. Он всегда любил одеться и с большой неохотой натягивал брючата, сшитые трудолюбивыми работниками фабрики «Смена». Примерно десять лет назад он не на шутку влюбился, но дама сердца с презрением отвергла его, предпочтя персонального пенсионера Изю Левинского, которому шестипородная племянница Моника постоянно присылала шмотки из Америки. Свекор крепко запомнил эту беду – и теперь, когда Изя давно скончался, не упускает случая проехать на своем джипе мимо окон корыстолюбивой дамы. Окна выходят на пустырь, и обычно за свекром приходится посылать автокран. Он стоит у нас на заднем дворе, и зоотехник Гоша при необходимости, ругаясь и плюясь, садится за руль.

Так мы и жили в двухкомнатной квартирке – я, две свекрови, свекор, незамужняя дочка Нинели Аристарховны Светик, два внука Авдотьи Гавриловны, юные оболтусы, которых приходилось водить в школу под конвоем, и Алевтина Марковна, насчет которой я всегда сомневалась – вроде бы моей свекровью она быть не могла, я бы такое запомнила, но никто из старшего поколения ее за свою родственницу не признавал, а сама она всякий раз говорила иное. Еще с нами жили животные, к которым меня приохотил шестой супруг.

Но однажды кто-то из богов глянул на землю и решил, что нам не хватает приключений. И тут же произошел каскад невероятных событий.

Незамужняя Светик вела большую переписку по объявлениям. Отчаявшись найти себе белого жениха, она вышла замуж за пожилого негра и уехала с ним то ли в Камерун, то ли в Зимбабве. А там как раз произошел завершающий этап государственного переворота, перебили всех племенных вождей, и оказалось, что из всех претендентов на трон уцелел только Мвалабобе, благополучно пересидевший все тридцать четыре года гражданской войны в институте Дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Светик стала чем-то вроде королевы, мы поехали к ней в Африку... Словом, не буду пересказывать всех приключений, скажу только, что в результате мы стали обладателями огромного состояния. Теперь наша жизнь проходит между Африкой и Москвой, причем, Светик почти безвыездно живет в Африке, при ней – большая любительница жары Алевтина Марковна, мы же предпочитаем пригород Москвы, очень престижный поселок Вилкино, где построили себе скромный особняк, и...

Так что я собиралась написать?

Вспомнила. Я собиралась написать детектив, где было бы много убийств, я люблю писать такие детективы. Сперва все это случается со мной в жизни, а потом я сажусь и по свежим следам заново все это в компьютер. Пока не забыла, что к чему, вернусь-ка я к сюжету.

Итак, мы вернулись в Вилкино, моя голова от соприкосновения с мокрым асфальтом совсем разболелась, и я, бросив раскрытую машину во дворе, сразу поплелась к себе на второй этаж, попросив старшую горничную Мусеньку приказать кому-нибудь из младших горничных забрать в багажнике десять блоков моих любимых сигарет «Голуаз».

– Ну так как? – выкрикивал, ковыляя следом за мной, свекор. – Ты это сделаешь?

– Что? Что надо сделать?

Свекор тяжело вздохнул.

– Подать в суд.

– На кого подать?

– На того мужика.

– Какого еще мужика?

– Чья матушка сбросила тебе в багажник дракона. Ты же моральный ущерб понесла! Вон, еле на ногах держишься!

– Никто не видел, как проклятый дракон свалился в багажник! – сердито воскликнула я. – Никто, кроме меня! А потом его вообще оттуда вытащили. Уже никому и ничего не докажешь.

– Кто вытащил?! – возмутился свекор. – Наоборот, я его еще глубже запихал! Я знал, что он нам понадобится! На драконе остались пальчики старухи – так что вызывай, Яшка, этого своего мента, и будет оформлять дело! Мусенька! Мусенька!

Когда нужно, старик перестает путать имена, я уже не раз в этом убедилась. И слух у него тоже подозрительно обостряется.

Появились старшая горничная Мусенька и младшая горничная Анечка с десятью блоками моих любимых сигарет «Голуаз».

– Положите сигареты на комод и спуститесь в гараж, – приказал свекор. – У Яшеньки в багажнике лежит дракон. Наденьте резиновые перчатки, достаньте его и принесите сюда.

Гараж у нас не маленький – у меня «вольво», у Альфонса Альфонсовича «джип»: у свекровей по «ауди», у внуков Авдотьи Гавриловны по крутому байку и по «ниссану», у Алевтины Марковны антикварная «победа», и еще несколько машин обслуги. Автокран, правда, уже не поместился.

Пока Мусенька ходила за драконом, я села за компьютер. Нужно было срочно настучать начало нового детектива.

Я иногда совершаю свои маленькие открытия. Например, такое. Начать нужно захватывающе. Вот, скажем, так:

"Я почувствовала опасность, но не успела поднять голову. Что-то страшное, тяжелое тело с темнеющих небес, плюхнулось передо мной, и я увидела глядящие на меня снизу вверх огромные горящие глаза, увидела оскаленную пасть, толстые белые клыки, и уже каким-то краем подсознания уловила, что это чудовище покрыто крупной зеленой чешуей, толстой и совершенно непробиваемой. Оно должно было зарычать, или завизжать, или поразить меня инфразвуком, но оно лишь плотоядно смотрело, и тут длинный лиловый язык, свисающий из пасти, качнулся и обвел ее края точным злобным движением..."

Не в силах разогнуться, я откачнулась от чудовища и села на мокрый асфальт."

А потом, когда мои читательницы заинтригованы, можно расслабиться и со вкусом рассказать историю моего семейства. Женщины любят, когда рассказываю про свое семейство и своих животных. Им тогда кажется, будто любая тетка, имеющая родственников и живность, может сидеть и писать детективы. А это далеко не так!

Пока я писала начало нового детектива, Альфонс Альфонсович исчез. Мы объявили розыск и обшарили весь особняк. Старик сильно разволновался из-за рухнувшего ко мне в

багажник дракона. Чего доброго, лежит где-нибудь, держась за сердце, и даже застонать не может.

Его «джип» мирно стоял в гараже, а вот заглянуть на задний двор мы не догадались. Только на следующий день выяснилось, что свекор уперся на автокране. Я до сих пор понять не могу, что это с ним было: склероз или все-таки юмор.

– Я все выяснил! – сказал Альфонс Альфонсович, победно входя в мой кабинет. – Старуху зовут Изабелла Пафнутьевна...

Что-то зашевелилось в моей памяти. Я определенно слышала когда-то это сочетание – «Изабелла Пафнутьевна». И даже громко слышала! Но когда и где?!

– Изаболле Пафнутьевна Содомская. Квартира принадлежит ее зятю Михаилу Раймондюкасу...

– Психологичеку? – радостно уточнила я.

– Психу, – поправил свекор. – Психом нужно быть, чтобы жениться на сумасшедшей теще.

Я привычно задала себе вопрос, склероз или юмор, а Альфонс Альфонсович продолжал:

– У бабы какая-то болезнь психики, может, шизофрения, а может, маниакально-депрессивный психоз – точно никто не знает. К ней ходит постоянная сиделка, но старуха ее на дух не переносит. Сажать тещу в психиатрическую лечебницу Раймондюкас не хочет – это бы значило расписаться в своей профессиональной несостоятельности. Кроме того, старуха ему зачем-то нужна живая, а в психушках такие условия, что бедная теща живо на тот свет отъедет. Вот он и запер несчастную в этой квартире.

Имя сумасшедшей тещи не давало мне покоя. Вроде бы я чувствовала, что с падения дракона в багажник начнется очередной детектив, а вроде бы что-то этому детективу препятствовало.

На следующий день я взяла наш семейный микроавтобус, зоотехника Гошу, дворника Афанасия и поехала покупать той бабушке в халате питьевую воду и холодильник. Сама села за руль и намучалась. После комфортабельного «вольво» с антистрессовым креслом переход к микроавтобусу оказался болезненным. Во-первых, от неудобного сиденья дико заломило спину, во-вторых, на педаль тормоза приходилось нажимать всем телом, в-третьих, растрясло из-за жутких амортизаторов.

Ругаясь сквозь зубы, я доругала до магазина «Седьмой континент» и отправилась крушить прилавки. Всякий раз, когда я хочу сделать что-то приятное свидетелю, то не мелочусь. Питьевая вода стоила слишком дешево, а не привыкла оставлять в магазине меньше пятисот долларов. Когда микроавтобус подкатил к нужному дому, он напоминал передвижной продмаг. А мы еще затолкали сзади трехкамерный холодильник, так что хлопот с разгрузкой хватило.

Возле подъезда, выходящего прямо на проспект, неподалеку от ларьков, стояли несколько подростков. Я высунулась в окошко:

– Мальчики, на пиво заработать хотите?

Я понимаю, что поить детей пивом плохо, но на Гоше и Афанасии лежал холодильник, а я не хотела тратить на благотворительность слишком много времени.

– Не вопрос, – откликнулись они слаженным хором, – делать чего?

– Продукты в первую квартирму отнесите.

Ребята споро потащили ящики и кульки, а я встала перед окном в ожидании благодарности.

Окно открылось. Оттуда вылетел пакет гречки, просвистел мимо моей головы и вмазался в асфальт. За пекотом последовали пачки геркулеса, кульки конфет, гирлянды сосисок, баночки йогуртов. Наконец вылетел и торт «Птичье молоко». Я стояла потрясенная. Что происходит со старушками, спрашивала я себя, что происходит?! Где благодарность?! До сих пор,

когда я, Яша Квасильева, делала старушкам подарки, они меня униженно благодарили и норовили чмокнуть в ручку!

Очевидно, мне попалась какая-то неправильная старушка.

Приказав Гоше с Афанасием загородить ей холодильником дверь, я дождалась рапорта о выполнении приказа, погрузила ребят в микроавтобус и уехала.

На душе было пакостно. Я все пыталась вспомнить, где же слышала это имя – «Изабелла Пафнутьевна». И никак не могла.

Глава третья

Свекор Альфонс Альфонсович совсем рехнулся. Он побывал у Михаила Раймондюкаса и требовал у психоаналитика отступных. Вернулся свекор благодостный, расслабленный, и весь вечер делился воспоминаниями детства. Но странными были эти воспоминания – должно быть, Раймондюкас, убалтывая Альфонса Альфонсовича, перегнул палку. Сперва свекор просто рассказал, как гулял с няней в Летнем саду, убежал, заблудился, и был вовремя пойман. Я не возражала. Потом, когда он пошел по третьему заходу, его уже привел к няне городской. Это было сомнительно, однако в пределах нормы. Углубляясь в детство все дальше и дальше, свекор добрался до самого заветного – как его потрепал по щечке государь император.

– Никорай Второй? – на всякий случай уточнила я.

– Окстись, голубка! – сказал на это свекор. – Отродясь на Руси не было императоров Николаев. А милость мне оказал государь Павел Петрович.

Тут только я поняла, что пора вмешиваться.

Сбежалась вся обслуга, хуже того – сбежались животные.

Тут, наверно, нужно еще немного рассказать о моей семье. Это недолго, и читать следует не слишком внимательно – все равно я неоднократно буду возвращаться к этой теме. И к концу моего рассказа вы будете разбираться в моей многочисленной родне и в животных лучше, чем я сама.

Дело в том, что я неоднократно выбегала замуж, но из этих затей решительно ничего хорошего не получалось. Вот разве что мой шестой муж приохотил меня к разведению земноводных и рептилий. Когда он под покровом ночной темноты сбежал от меня с одним рюкзаком, мне остались черепаха Мотя, игуана Георгий, два питона, Марик и Бобик, варан Афродита и совсем еще тогда юная крокодилица Дусенька. Жить с этими очаровательными созданиями в двухкомнатной квартире затруднительно, особенно если учесть, что Афродита тогда уже была ростом и весом с хорошего ротвейлера, Дусенька жила в террариуме площадью в два квадратных метра, а я еще имела двух свекровей, свекра, Светика, близнецов и непонятную Алевтину Марковну. Как получилось, что мужей я выгнала, а их родителей оставила, – долгая история. Понемногу я ее расскажу.

Дусеньку мы старались держать в особой комнате, а к гостям выпускали с мордой, обмотанной скотчем, потому что укус крокодилицы – дело серьезное. Но Георгий и Афродита свободно шастали по всему дому. И если Мотя всего-навсего подворачивалась под ноги, так что об ее панцирь цеплялись все гости, то Георгий имел трогательную привычку дремать на спинке дивана. Однажды мне пришлось оплатить дорогощего врача одной даме, которая почувствовала, что кто-то лезет сзади по дивану и кладет ей лапку на плечо, но решила, будто это домашняя кошка. Повернувшись и увидев милую чешуйчатую мордочку Георгия, она заорала благим матом и стала заикой. Лечили ее примерно полгода.

Так вот, сбежались все, включая зоотехника Гошу, который был в подвале, где мы разводим стерильных белых крыс. Простая крыса в корм животным не годится, он нее они подцепят инфекцию и загнутся. Так что у нас имелся целый крысиный питомник.

Я даже не заметила, что отсутствует моя старшая свекровь Авдотья Гавриловна. Она появилась, когда все было кончено, одетая шикарнее иной кинозвезды. Судя по всему, свекровь опять ездила в ночной клуб любоваться мужским стриптизом. Я делаю этот вывод, во-первых, потому, что она год назад повадилась в такого рода заведения и посещала их каждую неделю; во-вторых, потому, что ее макияж был смазан и искусственные ресницы наполовину отклеились; в-третьих, она держала за руку очаровательное создание ростом метр девяносто.

– Яшка, бросай старого дурака, собирайся, едем! – скомандовала старшая свекровь.

– Куда едем? – в ужасе спросила я, а свекор, лежащий в кресле, приподнялся и уставился на Авдотью Гавриловну вполне осмысленно.

– Развратница! – произнес он. – Ужо тебе! Исправительный дом вельми по тебе плачет, окаянная!

Прокляв психоаналитика Раймондюкаса от всего сердца, я прикрикнула на домашних, чтобы перестали галдеть, отошли от кресла и сняли с меня Марика с Бобиком. Вместе питоны тянут примерно полцентнера, и это слишком для женщины, весящей сорок девять килограммов. Когда они попали к нам в дом, это были очаровательные крошки с бархатистыми шкурками, а теперь и Марик, и Бобик стали трехметровыми пятнистыми верзилами неопределенного пола.

– К Расторгуевым! – заявила свекровь, потом отпустила мускулистую руку стриптизера, подбежала ко мне, изящно семеня, склонилась к уху и прошептала:

– Тебе не кажется, что красный бархат меня полнит?

Я оглядела ее статную фигуру. Да, подумала я, есть женщины в русских селеньях. Свекровь неправильно поняла мой оценивающий взгляд.

– Все. Сажусь на диету, снова триста граммов прибавила.

У меня за спиной зашипело. Я подумала, что это Марик или Бобик, которых Гоша смотал с меня и уложил в кресло. Но это была моя младшая свекровь Нинель Аристарховна, от третьего мужа Валерия Куропаткина у которой периоды бесчеловечной диеты и безрезультатной перемежались периодами щенячьего и очень даже результативного обжорства.

Нинель Аристарховна была тоже вся в бархате – но в бархатном халате, который ее, конечно, не стройнил, но и полнее не делал – просто полнее сделать ее было уже невозможно.

– Кто такие Расторгуевы? – спросила я, но старшая свекровь, ощупывая себе бока, поспешила к зеркалу.

– Ах, ах, что с женщиной делают годы, – кокетливо заметила она. – Стану жирной некрасивой коровой, и выгонят меня с телевидения взащей.

Я чуть было не спросила, что еще за телевидение. Вовремя догадалась – это старшая свекровь распускала хвост перед своим стриптизером. Рожа у парня была красивая, ничего не скажешь, но тупая, свекровь с тем же успехом могла вслух беспокоиться, что ее выгонят из академии наук.

– Так кто такие Расторгуевы? – спросила я, перекивая шип младшей свекрови.

– Род почтенный, старого корня род, – объяснил мне свекор. – Старшая ветвь Расторгуевых дала России боярина Ивана Расторгуева, прозванием Белый Лапоть, что с полячишками задружился и в Тушино к тушинскому вору с поклоном ездил.

Я тихо ужаснулась свекровым познаниям. Положительно, психоаналитик Раймондюкас чересчур глубоко копнул. Но я его понимаю – никакой юрист не квалифицирует это как нарушение пределов необходимой самообороны.

– Ты что, Галю с Лешей забыла? – удивилась старшая свекровь. – Ну наших прежних соседей по старой квартире.

– А-а... – протянула я без особого энтузиазма.

Когда Мприк и Бобик были еще маленькие, они часто проскальзывали к Расторгуевым по дырам в межэтажных перекрытиях. От Расторгуевых же прибегали бразильские тараканы размером с мою ладонь.

– Я их встретила, так знаешь? Они опять наши соседи!

– Как? – удивилась я.

Вилкино – элитный поселок, и все население мне известно. Я была вынуждена купить тут участок и построить особняк, когда меня стали преследовать поклонницы моего таланта. Согласитесь, когда перед твоим окном с утра до вечера маршируют дамы и девицы из Общества друзей Иоанны Квасильевой, когда они звонят и спрашивают, почему я сегодня в желтой

кофточке, а не в зеленой, когда они пишут письма на десяти страницах, которые начинаются с угрозы самоубийством, начинаешь даже сожалеть, что небеса наградили тебя таким ослепительным талантом.

– Этого только не хватало! – взвилась моя младшая свекровь. – Яша, вы как знаете, а я уезжаю в Африку!

– Арапы зело черны и страхолюдны собой, – ответил ей Альфонс Альфонсович. – И суть нехристи поганые.

Он напрочь забыл, как супруг Светика Мвалабобе водил его в общежитие института Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где молоденькие хорошенькие негротяночки расхаживали по этажам так, как привыкли ходить на своей далекой родине.

– Нинелька, ты ни хрена не поняла! – заявила старшая свекровь. – Они не в Вилкине живут, а в Тарелкине. И у них там страусиная ферма!

– У Расторгуевых? – удивилась я.

Дело в том, что если мы держали исключительно рептилий и земноводных, то Расторгуевы предпочитали экзотических насекомых. Кроме прочего добра, у них жили большие и совершенно безопасные скорпионы. Я прекрасно понимала, что эти милашки мухи не обидят, но всякий раз, извлекая скорпиона из своих тапочек, задумывалась.

– У Расторгуевых! – подтвердила свекровь. – И нас всех пригласили на уикэнд! Вместе с животными!

– Ур-р-р-а-а-а! – грянуло из камина.

Оттуда вылезли очень довольные произведенным эффектом оболтусы – внуки Авдотьи Гавриловны.

Милые мальчишки пили все, что горит, курили все, что когда-то росло на ветках, и, боюсь, укладывали в постель все, что шевелится. Кроме того, они обожали новые виды транспорта. Именно они загнали однажды в Язу наш новенький автокран. Они гонялись на машинах и марках, специально ездили в Арабские Эмираты покататься на беговых верблюдах, и однажды я чуть не сошла с ума, обнаружив в гараже живого и очень недовольного кенгуру. Кто-то наврал близнецам, что эта скотинка развивает бешеную скорость. Дело кончилось печально – кенгуру имел способность, ухватив врага за голову передними лапами, лягать его задними в живот.

– Что – ура? Что – ура? – спросила я, глядя на чумазых близнецов.

– Едем кататься на страусах! – хором ответили они. – Супер! Пупер! Класс!

– Сиречь на строфокамилусах? – уточнил свекор.

Я поняла, что завтрашнее утро для меня потеряно – нужно грузить старика в «вольво» и везти обратно к психоаналитику, чтобы тот вернул Альфонса Альфонсовича в нашу эпоху.

Где-то в глубине души я понимала, что Раймондюкас не виноват. Является к нему какой-то непонятный дед, толкует про дракона в багажнике, требует компенсацию... Естественно, доктор оборонялся, как умел. И любознательность ученого оказалась выше всего – психоаналитик попытался выяснить, не кроется ли архетип дракона в подсознании свекра, не омрачает ли его детские воспоминания. И еще хорошо, что он не стал исследовать архетип багажника.

– Хорошо, – согласилась я с близнецами и хотела было согласиться со старшей свекровью, но она куда-то сгнула вместе со стриптизером. – Едем завтра утром. Мусенька, Люсенька, Пусенька, срочно собирать вещи!

Если моим домочадцам что-то взбрело в голову, спорить бесполезно. Хотя, честно говоря, не слишком-то я люблю ходить в гости, в особенности если предстоит еще и ночевка. Мало того, что я никогда не могу заснуть в чужом особняке, замке или палатце, так еще и испытываю чувство неудобства, когда хозяева, мило улыбаясь, говорят:

– А на ночлег устроим в апартаментах для гостей.

Все дело в том, что вместе с богатством в нашу семью пришли и проблемы. Одна из них – постоянные визитеры, едущие к нам со всех концов планеты. И я сама, нацепив на лицо сладкую мину, сообщаю оккупантам:

– Ну что вы, какие проблемы, особняк у нас шестиэтажный, места полным-полно, можно еще за пару дней поставить в саду флигель. Велю поварам готовить побольше, а мажордому озаботиться лишними приборами на столе, вот и вся забота.

Хорошо, если гости берут с собой переводчика. В противном случае мне приходится все это объяснять на пальцах, как было с очень почтенными джентльменами из Абиссинии. Я развела руки в стороны, показывая необъятность особняка, продемонстрировала шесть пальцев – по количеству этажей, обвела ладонями незримую женскую фигуру и контуры мебели – что означало заботу обслуживающего персонала. Наутро гости были чем-то сильно недовольны. Потом уже мы получили сообщение от Светика и Мвалабобе. Это оказались отпрыски королевского семейства, дружественного роду Мвалабобе, и они, увидев мою пантомиму, раскатали губу на шесть толстых белых женщин. Естественно, ни одной не получили и очень удивились – зачем же я пообещала?

Так что в глубине души я костерю гостей на все корки и только мечтаю о том, когда они наконец уберутся от нас. Несмотря на шесть этажей, три лифта, включая грузовой, обилие комнат и санузлов, посторонние люди мне дико мешают. Тот же Мвалабобе направил к нам как-то учеников главного жреца своего племени, которые по утрам визжали и скакали, как стая обезьян. Оказалось, у них культура такая. То, что мы принимали за дикарские выходки, было частью придворного этикета.

Больше всего угнетает, что нужно постоянно улыбаться и изображать невероятную радость от общения. Не говоря уже о том, что, когда я ночью звоню дежурному повару, чтобы заказать что-нибудь вкусненькое, грешна, люблю есть в кровати, мне совсем не нравится, когда горничную с подносом перехватывают на выходе из лифта и уволакивают в гостевые апартаменты.

Поэтому, когда я вижу, как при моем появлении с домочадцами и микроавтобусом, груженным чемоданами и террариумами, у хозяйки начинает играть на лице широкая, невероятно счастливая улыбка и она с неподдельной надеждой восклицает: «О, Иоанна, на несколько дней, надеюсь?» – я понимаю, что больше всего она хочет услышать ответ: «Нет, моя дорогая, увы, мы на полчаса заглянули».

И очень неприятно разочаровывать хозяев, восклицая: «Конечно, поживу недельку-другую вместе с родственниками и животными, поговорим, пообщаемся!»

Утром я встала пораньше, чтобы присмотреть за погрузкой животных.

Не помню, писала я или нет, но мой шестой муж приохотил меня к разведению земноводных и рептилий. Когда он под покровом ночной темноты сбежал от меня с одним рюкзаком, мне остались черепаха Мотя, игуана Георгий, два питона, Марик и Бобик, варан Афродита и совсем еще тогда юная крокодилиха Дусенька. Я привыкла к животным, которые тогда, впрочем, были совсем юными. Теперь они, конечно, подросли, и не всех я беру с собой, когда мы едем в гости. Скажем, Дусеньку можно брать только туда, где есть бассейн с подогретой водой. Желательно площадью восемь на двенадцать, чтобы милой крошке было где порезвиться. Когда муж покинул меня, Дусенька была нежным созданием длиной в двадцать сантиметров. Теперь это двухметровая красавица, у которой хвост не помещается в террариуме, так что мы скоро будем заказывать новый. Дуся также обожает бегать по травке. Удивительно, как быстро бегают крокодилы этой породы. Главное – вовремя предупредить присутствующих, чтобы встали на стулья и столы. Вздвигаться на деревья и столбы вовсе не обязательно. Вверх Дуся не карабкается, хотя привстать на задних лапах, опираясь на хвост, вполне может.

С помощью автокрана мы загрузили походные террариумы, чемоданы и любимую старинную ванну Авдотьи Гавриловны, из каслинского чугуна фигурного литья.

Пока собирались, утро кончилось, наступил полдень. А в Тарелкино мы всей кавалькадой (я с вараном Афродитой на «вольво», Альфонс Альфонсович – со мной, потому что он наотрез отказался признать в своем «джипе» фамильную карету, обе свекрови на своих одинаковых «ауди», внуки Авдотьи Гавриловны на крутых байках, прислуга на «мэрс» мажордома, микроавтобус, фура с террариумами и автокран) прибыли уже ближе к вечеру. Во всей избах было темно.

– Здесь живут мирные поселяне, – растрогавшись, сообщил Альфонс Альфонсович. – Она отходят ко сну под кроткое щебетанье пичужек и просыпаются под трели петушков.

Я опять задумалась: юмор или склероз? Впрочем, в чем-то старик был прав. Деревенские жители с давних дотелевизорных времен привыкли укладываться с курами, впрочем, и вставать вместе с ними, в двадцать два часа на селе глубокая ночь. Даже хоккейный матч века, даже конкурс Евровидения не в силах изменить привычки мирных поселян. По-моему, подмосковные поселяне не заводят телевизоров из принципа – для них важнее вставать вместе с курами.

Стучать в спящие дома мы постеснялись, особенно наш благовоспитанный мажордом, и, приуным, решили ехать вперед по бетонной дороге. Не успели преодолеть и пятисот метров, как возник ларек с водкой и жвачкой, из окон которого неслась разухабистая музыка. Уж почему эта торговая точка расположилась посреди леса и кто, кроме лесных ворон и зайцев, мог там отовариваться, осталось непонятным.

– Повреждение нравов, – констатировал свекор и вдруг, раскрыв дверцу, завопил: – Вот уже цепкие щупальца разврата проникли на мирные нивы! И беси ликуют, окаянные, зря, яко бесславно гибнут болезные, прельщенны будучи! Зрю, зрю антихристову печать!

– Погодите, Альфонс Альфонсович, пусть мажордом спросит, где тут страусиная ферма.

Мажордом подъехал и спросил, но юный грубиян, отчаянно зевая, ответил, что тут не справочное бюро. Мажордом был вынужден согласиться.

В таких случаях я вспоминаю юность, проведенную в коммунальной квартире, и берусь за дело сама.

Придерживая за поводок Афродиту, я высунулась из «вольво».

– Молодой человек, не подскажите, где тут у вас страусы живут?

При этом я чуть отпустила поводок.

Афродита только на первый взгляд может показаться страшненькой. Обычный варан – послуживший, кстати, прообразом для тех древних сказочников, которые сочиняла легенды о драконах. Ростом мне по пояс. А пасть раскрывает просто так, подышать свежим воздухом.

Продавец, очевидно, никогда не смотрел телепередачи о животных. Он шмыгнул в торговую точку, и я услышала грохот – очевидно, юный грубиян баррикадировал дверь.

– Так где страусы живут? – переспросила я, поглядывая на крышу торговой точки. Если там есть труба – то вполне можно посадить наверх Марика с Бобиком, а дальше они уж сами разберутся.

– Даю сведения только покупателям! – донеслось из торговой точки.

– Хорошо! Десять блоков моих любимых сигарет «Голуаз»! – не растерялась я.

Юноша приоткрыл дверь и, косясь на Афродиту, отпустил товар.

Мне нравится, когда меня вежливо обслуживают. Я дала юноше две стодолларовые бумажки и сказала, что сдачи не нужно.

– Страусы в Тарелкине, ехайте туда.

– Но мы там уже были, – удивилась я, – и ничего не нашли.

– Так то Тарелково, – ухмыльнулся торговец. – Тарелкино дальше.

Я не буду в деталях описывать, как мы всей кавалькадой мыкались по окрестностям, разыскивая мост, неведомое Тарелкино оказалось на другой стороне довольно широкой реки. Я и не подозревала, что в Подмоскovie водятся такие реки. Возможно, мы взяли чересчур к юго-западу и натолкнулись на Днепр, до середины которого редкая птица долетит.

В результате переправа нашлась, но пришлось днелать крюк примерно в сорок километров. Потом питоны в своем террариуме принялись буяннить, Георгий завизжал, Альфонс Альфонсович опустил в «вольво» на колени и стал политься на старославянском языке. Обе свекрови вздумали сходит в кустики – установив по такому случаю перемирие. Кустики оказались зарослями гигантской крапивы. Я такую видела только в гостях у Светика с Мвалабобе. Да еще близнецы, которым плохая дорога мешала разогнать байки на полную мощность, без когца вздыхали, приговаривая:

– С милыми родственничками любой отдых превращается в ужас.

Так о чем это я?

Мы поехали на страусиную ферму. Хорошо, а что было перед этим? Перед этим старшая свекровь, побывав в стриптиз-клубе, непонятным образом привезла оттуда расторгуевское приглашение. А перед приглашением? Ой, что же было перед приглашением? Кого-то убили? Нет. Я нашла очередной труп? Тоже нет. Мне позвонили и попросили за двадцать четыре часа найти пропавшие бриллианты? Что-то же было, иначе я не села бы писать детектив! Ага, вспомнила! Все началось с того, что ко мне в багажник свалился плюшевый дракон!

Где-то около полуночи, голодные: искусанные комарами (и откуда они только взялись в октябре), мы подруили к большому щиту «Страусиная ферма ПТАШКА». Стоит ли упоминать о том, что отличные железные ворота были заперты?

Мы дружно принялись гудеть. Наконец появилась охрана, вызвали хозяина, и к нам вышел Леша Расторгуев, облаченный в теплый бордовый халат.

За те годы, что я его не видела, мужик не слишком изменился. Такая же сухошавая фигура и быстрые голубые глаза. Было только одно отличие. В то время, когда мы проживали в одном подъезде, Лека всегда был пьян, а его несчастная жена Галя вечно сшибала у меня рубли до зарплат, норовя потом возместить долг экзотическими насекомыми. Сейчас же Алексей стоял совершенно трезвый, а за его спиной возвышался отличный трехэтажный дом из красного кирпича – правда, вдвое меньше нашего.

Расторгуев прищурился, потом в его глазах мелькнуло легкое удивление, и он пробасил:

– Яшка? Какими судьбами?

Я растерялась, но мне на помощь пришла младшая свекровь.

– Ну ничего себе! – воскликнула Нинель Аристарховна. – Вчера вечером Авдотья встретила твою Галку в...

Тут я наступила младшей свекрови на ногу. Единственным местом, где старшая свекровь могла вчера кого-то встретить, был стриптиз-клуб для дам, откуда она и приволокла свое очередное приобретение.

– Авдотья твою Галку встретила... – неуверенно повторила младшая свекровь, а тут и сама Авдотья Гавриловна подоспела.

– На улице я ее встретила! И она пригласила нас всех погостить, вместе с животными!

– С животными так с животными, – как-то странно сказал Лешка, косясь на фуру и автокран. – Паркуйтесь вон там, на площадке. Галка спит, уж извините, будить не стану, встаем в шесть. Устраивайтесь пока в комнатах, а с утра разберемся.

Глава четвертая

Утром кто-то распахнул дверь моей комнаты и взвизгнул.

Оказалось, варан Афродита, спавший (или спавшая) у меня в ногах, подскочил к Галке и сбил ее с ног.

Я села и увидела Галку. Рыжие волосы торчали дыбом, лицо светилось улыбкой.

Очевидно улыбка была из тех самых, заготовленных впрок для неожиданных гостей. Даже нападение варана не могло сбить с физиономии эту светозарную улыбку.

– Это ты? – спросила я.

– А что, так постарела, что и узнать нельзя? – хихикнула Галя.

Хихиканье тоже было из гостевого набора благовоспитанной леди.

Нужно было ответить, что Галка помолодела. Увы – парадоксальным образом она действительно помолодела. У той Галки, которую я знала раньше, были бледная кожа, большая печень, обкусанные бразильскими тараканами ногти и постоянно плохое настроение женщины, понявшей, что жизнь безвозвратно уходит.

Сейчас же передо мной сидела загорелая веселая тетка, которой дать больше тридцати было просто невозможно. Только волосы были прежними – огненно-рыжими, полыхающими, как костер.

Я знаю законы жанра – во всех женских романах и женских детективах, даже иронических детективах, к рыжим волосам полагаются зеленые глаза. Какое преступление я бы ни расследовала, основных законов жанра я не нарушаю никогда. Так что у Галки были именно зеленые глаза.

– Уж извини, – пробормотала я. – Свалились тебе на голову всем табором... Это все Авдотья Гавриловна...

Галка несколько смутилась.

– Ну да, конечно, – забормотала она. – Я же говорила Лешке, что встретила Авдотью Гавриловну в салоне, что всех пригласила в гости, а он и забыл! Ну, я спать легла, думала, вы сегодня с утра появитесь. Давай лучше завтракать!

Мы спустились вниз, и Галкина кухарка накрыла нам стол.

– Послушай, а откуда у вас все это? – бесцеремонно лягнула я. – Дом, страусиная ферма?

Ляпать иногда очень полезно. Узнаешь прорву информации. И чем круче ляпнешь – тем больше надежды, что собеседник обрадуется и раскроет тебе вперемешку чемейные тайны и тайны бизнеса.

Вот и Галка тоже. В ответ она расхохоталась и вытащила «Вог».

– Будешь под кофеек?

– Ты куришь?! А аллергия? Да стоило мне в прежние годы вытащить пачку, как у тебя коклюш начинался. Ну так откуда все взялось? Дом? Страусиная ферма?

Она поняла, что я буду ляпать до победного конца.

– Помнишь, как мы жили? – спросила Галя.

– Ну-у... – осторожно протянула я. Всю жизнь буду помнить, как доставала скорпионов из тапочек...

– Ладно, не деликатничай, все сейчас расскажу.

Когда ляпаешь, главное – вовремя остановить собеседника. Слишком много информации тоже ни к чему. Но Галя оказалась более разговорчива, чем я думала. Очевидно, до нее уже дошли слухи о том, что я стала знаменитой любительницей частного сыска, и она надеялась попасть со своей историей в мой очередной детектив. Удивительно, что только не делают люди ради славы!

– Родилась я, Расторгуева Галина Федоровна, в девичестве Акименко, как ты помнишь, в тысяча девятьсот каком-то там году в семье простых советских служащих, – начала она. – В возрасте семи лет была отдана в школу, которую закончила с тройками и четверками, а затем поступила в институт. Будучи студенткой четвертого курса, всерьез задумалась о распределении и стала искать подходящего мужа. Соответственно некоторое время спустя познакомилась с Расторгуевым Алексеем Николаевичем, который за двадцать пять лет до того родился в семье профессиональных алкоголиков, но порочашее его происхождение преступно скрыл...

Я покорно выслушала все подробности ухаживания, свадьбы, рождения дочери, которые, кстати говоря, и до этого неплохо знала. Наконец, подробно описав последний по счету запой Лешки, Галка перешла к страусилой ферме.

– Словом, не жизнь была, а Рио-де-Жанейро, чистый бразильский карнавал, с песней и с пляской. И деть Лешку некуда, «хрущобу» нашу разменять, сама знаешь, без шансов. Словом жизнь моя была беспросветная, а тут новая напасть. Узнала я случаем, что пятиэтажку нашу сносить собрались, а всех жителей отселить в какой-то район, уж и не помню, как называется, где-то на полпути к Киеву...

Я ахнула. По моим подсчетам, мы как раз и находились на этом самом месте – на полпути к Киеву!

– И так мне кисло стало, что по-быстрому, пока не разнесся слух об отселении, я продала свою халупу и купила домик в деревне. Лешка все равно пьет, вылечить его нельзя. Но в «двушке», где поперек комнаты храпит пьяное тело, жихни нет никому, а на селе простор. Выкатила супруга на тачке в огород – и пусть себе валяется, авось тапки отбросит!

Эта методика, как ни странно, привела к удивительным результатам. Галка, выкатывая мужа в огород, была твердо уверена, что никто на это сокровище не польстится. Однако в один прекрасный день Лешка исчез вместе с тачкой.

Зная, что муженек давно пропил все свои мужские способности, Галка сперва больше беспокоилась за тачку. Та деревенская дура, которая от безысходности покусилась на этого красавца, долго его бесполезность терпеть не станет, а вот тачку вполне может приватизировать. Но в один прекрасный день на огороде объявилась именно тачка. Лешка исчез бесследно.

Когда образ пропавшего мужа в Галкиных воспоминаниях уже обрел светлые черты, она вспомнила, что горький пьяница Алексей имел одно положительное качество – он любил животных. Она с умилением вспоминала, как он гладил бразильских тараканов по блестящим хитиновым панцирям и чесал брюшки скорпионам. Это навело ее на мысль – она стала выяснять, нет ли в радиусе пятидесяти километров какого-нибудь скотного двора, заодно на всякий случай спрашивая, когда здесь в последний раз видели цирк-шапито.

Довольно скоро выяснилось, что за рекой поселились чудаки, решившие разводить страусов. Экзотические птицы были привезены еще в яйцах, и чудаки, пожилая супружеская пара, чуть ли не сами их высиживали. На расспросы отвечали: птица дельная, выносливая, мяса дает – завались, одним яйцом семью накормить можно. А что до климата среднерусской возвышенности – то в пустыне Сахаре ночью тоже бывает довольно прохладно.

Несмотря на заботу, перезимовали страусы плохо. По окрестностям ходили слухи, что птиц выводили на прогулку в ватниках и ушанках. Весной чудаки не смогли нанять скотника, который согласился бы ухаживать за птичьим поголовьем. Юные страусы оказались очень обидчивыми и брыкливыми, и один удар мозолистой лапы мог вышибить дверь, человек же от него улетал на десять метров запросто.

Обходя окрестности в поисках работника, страусиный фермер набрел на плохо огороженный и поросший бурьяном участок, с краю которого дрых в тачке еще вполне справный мужик. Недолго думая, он похитил Лешку, решив, что это чучело будет благодарно за кров и пищу, а что касается алкоголя – так поди найди непьющего.

Лешка очнулся в сарае, где к нему склонялись озадаченные клювастые рожи, и понял, что он во сне откинул коньки.

Когда же воющего от ужаса Лешку сняли с крыши и объяснили, что жизнь так просто не кончается, он проявил к страусам огромный интерес. Насекомые были забыты навеки. Лешка день и ночь возился с гигантскими птицами и даже заставил хозяев закупить пособий по ветеринарии. Примерно через месяц он осознал, что, оказывается, все это время жил без водки. А главное – больше ее на дух не переносит.

Тем временем чудачки-страусоводы к птицам охладели. Им втемяшилось в головы, что куда выгоднее разводить форель. Когда Галка нашла протрезвевшего мужа, он как раз вел переговоры о выкупе дома вместе с сараем и страусами. Галкино приобретение спешно продали, деньги отдали несостоявшимся страусоводам – и остались хозяевами стада в двадцать бестолковых птичьих голов.

Вот так и завертелось их дело, дающее теперь не только отличный, стабильный доход, но и огромную радость.

И Галка, и Лешка закончили заочно Ветеринарную академию, а дочку отправили учиться на орнитолога за границу. Сейчас у них огромные корпуса, обслуживающий персонал, уникальная специализация. Они не только снабжают страусиным мясом и яйцами две десятка московских ресторанов, но арендуют помещения на ипподроме и скоро предложат москвичам такое азартное развлечение как страусиные бега. Соревноваться будут страусы-юниоры отдельно и ездовые страусы с наездниками – тоже отдельно.

Я только моргала. Надо же, какая длинная и необычная история! И старалась запоминать подробности. Я люблю вставлять в свои детективы такие милые истории, и чем длиннее – тем лучше. Читатель должен время от времени забывать, зачем вообще взял в руки книжку, расслабляться и блаженствовать на диване. И как только его рот расплывется в бессмысленной улыбке – тут я и тресну его по башке очередным трупом!

Галка тархтела дальше.

– Значит, так, сейчас пойдем птичек смотреть, потом клиенты явятся, затем пообедаем...

Она вытолкала меня на двор, а варан неторопливо поплелся следом.

На дворе творилась какая-то суeta вокруг фуры с террариумами. Бегала охрана в противогазах, волокли какой-то деревянный домик на колесах.

– Что это? – удивилась я.

– Дусенька в бассейн сбежала, – отрапортовал, появившись из-за домика, зоотехник Гоша. – Теперь вот не знаем, как выманить.

– Ну, я тоже не знаю, как выманить крокодилицу из воды! Покажите ей сырое мясо, что ли? – и, повернувшись к Галке, я объяснила, что дома у Дусеньки свой бассейн, куда оналезает и откуда вылезает исключительно по собственному желанию.

Потом Галка показала мне загоны для страусов и новую страусиную упряжь, которую должны были после обеда опробовать наши близнецы. Стада страусов мирно паслись на зеленой травке и, вопреки лживому поверью, ни один не прятал голову в песок.

Около часа дня мы сели за стол. Не успел Лешка разрезать сочную, исходящую жиром утку, как запищала его мобилка.

– Кто там? – спросила Галка.

– Раймондюкасы.

Я ахнула. Это прибыл зять сумасшедшей тещи, психоаналитик, разбудивший в моем све-кре память предков!

Свекор, кстати, сидел по левую руку от меня, ковырял салат и бормотал:

– ... строфокабил бо зверь легкий и быстрый, и по прилучению пожирает змей и проглатывает живы во утробу свою...

Я задумалась. Конечно, можно вцепиться в психоаналитика и заставить его вернуть свекру здравый рассудок. Но тогда Альфонс Альфонсович начнет требовать с него компенсацию за свалившегося на меня дракона! Возникнет скандал. А вряд ли Раймондюкас хочет, чтобы вся Москва и окрестности знали, что у него теща спятила. И не потому, что сумасшедший в семье – это неприлично, а потому, что психоаналитик, не справившийся с собственной тещей, рискует стать общим посмешищем.

Вот я это написала – и сама порадовалась. Какое продуманное решение я приняла! Сколько деликатности проявила! Мои читательницы останутся довольны, а свекор подождет. Пусть его еще пару дней побормочет.

В столовую вошел высокий худощавый блондин с румяным детским лицом, в жокейских бриджах и соответствующей шапочке, а с ним – молодая изящная женщина, похожая на топ-модель экстра-класса.

Оба были – хоть на обложку «Плейбоя», и от него в воздухе разлился самый дорогой из всех запахов «Кензо», и на запястье я углядела часы «Филипп Патек». Она же тоже благоухала тысячными духами, а когда собралась закурить – достала золотую зажигалку, инкрустированную бриллиантами.

Вообще богатый человек узнается по мелочам. Костюм, даже пальто, шляпа, носки, подтяжки могут быть простыми... Но обувь, кошелек, зонтик, сумка, перчатки, зажигалка и портсигар всегда окажутся первосортными. Вот как у меня. Если человек, назвавшийся преуспевающим писателем-детективщиком и сидящий перед вами в костюме от Хуго Босс, достанет из кармана обычный «Ронсон», а часы у него окажутся электронной «Сейкой», немедленно насторожитесь. Ваш гость врет. Никакой он не преуспевающий детективщик – а, скорее всего, пишет психологические новеллы из тех, где выверено каждое слово и отлакирована каждая мысль, вот только опубликовать это моими тиражами совершенно невозможно. И правильно. Писать надо не для тех, кто ищет психологии, а для тех, кто хочет дважды в месяц получать новую книжку Яши Квасильевой.

Так, на чем же я остановилась? Вроде не слишком уклонилась от сюжета? Да! Глядя на эту парочку, на супругов Раймондюкасов, я вдруг вспомнила, как сидела в луже возле раскрытого багажника, а соседки перемывали кости безумной теще и нищему зятю. Ничего себе нищий!

Ничего по этому поводу говорить я не стала, потому что почуяла приближение первого трупа.

Не то чтобы я без них вообще жить не могла – но они меня кормят. И, встречая в очередное приключение, я первым делом думаю – будет тут хотя бы один покойник или нет?

Человек, ведущий двойную жизнь, внушал определенные надежды! Поблизости от такого человека обязательно должна найтись парочка, а то и тройка замечательных загадочных покойников! Вот, допустим, кто-то его шантажирует, а он этого простачка и того... Или же его богатство началось с серии гнусных убийств. И вообще тут возможно множество вариантов!

Раймондюкас меж тем вел светскую беседу о страусах, а его милая супруга Леночка ворковала и чирикала о чем-то совсем женском.

Я, кое-как участвуя в беседе, присматривала за своим семейством.

Свекор пребывал то ли в семнадцатом, то ли в восемнадцатом веке и, одолевая свою порцию жареной утки, все домогался, постный ныне день или скоромный. Старшая свекровь сделала стойку на красавца Раймондюкаса. Очевидно, стриптизер не оправдал ожиданий. Младшая свекровь яростно обедала – у нее как раз завершился период диеты. Близнецы зашустрили вокруг Леночки, а ей это явно нравилось.

После обеда нас повели в летний манеж, откуда мы, если не помешает погода, должны были отправиться на верховую прогулку вдоль реки, названия которой я так и не узнала.

Не успела я ахнуть, как Леночка уже сидела на своем страусе, упиравшись стройными ножками в стремя и поводьями удерживая на месте гордую птицу. Михаил Раймондюкас еще только пробовал подпрыгнуть, а она уже умчалась, и наши близнецы – следом. Старшая свекровь деловито залезла на страуса с подставленного стула, а свекор махал на свою птицу руками, призывая ее согнуться и рассыпаться во прах.

Такое поведение домашних неувидительно. В Африке мы успели поехать и на лошадях, и на ослах, и на слонах, и на буйволах, и на верблюдах. Все мое семейство довольно ловко управляется с верховыми животными – кроме младшей свекрови, конечно. Но только не я!

Нет, я люблю животных, но верховых слегка побаиваюсь!

Но не падать же в грязь лицом перед всеми. Тем более, что предназначенная мне страусиха выглядела вполне мирно и только теребила клювом пушистое оперение на груди. Пришлось, сопя от напряжения, влезать в седло.

Вот написала и задумалась – на самом деле сидят ведь не в седле, а на седле. Что же я сделала и как мне это теперь описать? А седло, кстати, было довольно жесткое и кожаное. Мне казалось, что нужно погладить страусиху по голове, и я это сделала.

Острый клюв щелкнул совсем рядом с моими пальцами.

Тогда я вспомнила, что вроде бы страусы понимают команды голосом.

Команды у нас в доме были вечной проблемой. Дело в том, что я неоднократно выбегала замуж, но из этих затей решительно ничего хорошего не получалось. Вот разве что мой шестой муж приохотил меня к разведению земноводных и рептилий. Когда он под покровом ночной темноты сбежал от меня с одним рюкзаком, мне остались черепаха Мотя, игуана Георгий, два питона, Марик и Бобик, варан Афродита и совсем еще тогда юная крокодилиха Дусенька. Жить с этими очаровательными созданиями, не имея возможности командовать, затруднительно. Я догадывалась, что черепахе Моте все по фигуре, но от нее и особого вреда не было. Больше всего беспокойства доставляли оба питона. Я охрипла, крича им «Место!» и «Фу!» Результат был нулевой. Потом, когда мы заняли зоотехника Гошу, он объяснил, что у змей нет ушей.

– Ну, давай, иди вперед, – сказала я страусихе.

Страусиха громко вздохнула.

– Дорогая, пожалуйста!

Страусиха стояла как вкопанная. И тут появился птичник... Или нет – птичник – это место, где живут птицы. Так кто же появился? Птицевод? Наверно, он самый. Это был молодой парень, который посоветовал мне сжать коленками страусиные бока. Я так и сделала. Не успела я узнать, где у этой твари тормоз, как птица дернулась и понеслась, сперва большими шагами, а потом уже огромными прыжками. Она вынесла меня за ворота и устремилась вперед. Я рухнула на нее грудью и обхватила за шею, соображая, что если будет совсем уж плохо, я это пушистое создание попробую удушить.

Эх, забыла спросить, а как оно поворачивает, руля-то нет!

Страусиха развила хорошую скорость и бодро шлепала когтистыми лапами сперва по песчаной, потом по лесной дорожке. Очевидно, если ее не развернуть клювом в другую сторону, она донесет меня до государственной границы, подумала я, и тут увидела у ели двух привязанных страусов. Они меланхолично обирали хвою. Как хорошо, сейчас узнаю, как развернуть свою пташку!

Желание узнать было столь велико, что я вспомнила и для чего у страусихи поводья, и даже замечательное слово «Тпр-р-ру!»

Натянув поводья, я кое-как остановила страусиху. Она тут же принялась ковырять клювом слежавшуюся хвою. Я же сползла с седла и, ощущая промеж ног незримые бока страусихи, пошла вниз, к оврагу, откуда доносились два голоса: мужской и женский.

Раздвинув кусты, я хотела уже с веселой миной выйти на полянку, но услышала такое, что мигом прикусила язык.

Супругам Раймондюкасам явно было не до посторонних.

Они стояли друг перед другом, оба в бриджах, коротеньких курточках и жокейских шапочках. Лена держала в руках хлыст, Михаил – стек. Даже сапожки у них были идентичны: красные, блестящие, наверно, лаковые. Я залюбовалась – мне по душе английский стиль.

Но то, что вырывалось из их ртов, было ужасно.

Глава пятая

– Имей в виду! – кричала Лена. – Я этого так не оставлю! Я знаю, что мне теперь делать, подонок, негодяй, альфонс!

Я невольно завертела головой в поисках свекра. Но на «альфонса» никто не отозвался. С опозданием я вспомнила, что у нас хватило ума оставить старика дома в обществе гувернантки Люсеньки.

– Сволочь, скотина, мерзавец, подлец! – продолжала перечислять Леночка. Я удивилась, как злоба меняет человека. И даже не просто человека, а топ-модель. Какой-то час назад Лена выглядела симпатичной молодой дамой, довольной собой и окружающими. Теперь же на поляне бесновалась тетка с нездорово-бледным цветом лица и растрепанной прической. Негативные эмоции не красят, милая Леночка. Поэтому я их стараюсь избегать. Даже когда вижу подряд несколько трупов хорошо мне знакомых людей, я остаюсь непоколебимо спокойна. Во-первых, им уже ничего плохого не угрожает, во-вторых, привычка. В-третьих, я должна сосредоточиться, потому что вечером сяду за компьютер и буду эти трупы описывать.

– Прекрати, дорогая, что за базар? – ответил Раймондюкас. От волнения в нем прорезался акцент. – Возьми себя в руки и давай продолжим нашу прогулку!

– Нет, ты просто поразительная сволочь, фантастическая скотина, сверхъестественный мерзавец! – еще громче закричала Лена, почему-то отвернувшись от мужа и глядя в мою сторону.

Что бы это значило, подумала я, неужели передо мной – та самая слепая ярость, когда человек действительно перестает видеть окружающих и даже злейшего врага?

– Не знаю, кто тебе наплел глупостей... – флегматически перебил Раймондюкас. И тут мне стало страшновато. Наверно, точно так же, с тем же эпическим спокойствием он возражал налетающему на него Альфонсу Альфонсовичу, а что получилось? Бедный свекор до сих пор мыкается промеж царя Ивана Грозного и государя императора Павла Петровича!

– Не глупости, а чистая правда! И сказала мне ее Елизавета Григорьевна Шишкина! Твоя ненаглядная Лизанька! Которая проживает в Сокольниках на Маленковской улице! Вот ради кого ты хочешь бросить меня, свою жену, которая так тебя любит!

На лице Михаила промелькнуло плохо скрытое беспокойство, но он нашел в себе силы засмеяться. И смеялся довольно долго.

– Господи, родная, да у Лизки климакс в мозгах, – сказал он и повторил удачный диагноз. – У нее климакс в мозгах. И потом, ну зачем мне эта старая галоша, когда рядом такая красавица, как ты!

Прозвучало не слишком убедительно. Можно сказать, от этих слов повеяло классическим враньем блудного мужа. Они, гады, умеют задавать риторические вопросы! Мой второй тоже все вопрошал: ну зачем мне эта старая ведьма, когда у меня есть ты? Я не знала, что ответить, и соглашалась. А потом оказалось, что старая ведьма имеет несомненные преимущества...

– Нет уж! – взвизгнула Лена. – Больше ты меня не обманешь! Говорю же, я все знаю! У Лизки денег немеряно! Мою дачу ты продал, больше у меня ничего нет! А у нее!..

– Ну, милая, – забормотал Михаил, – не нервничай так, не нервничай, не нервничай!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.